

*Татьяна
Веденская*

Татьяна
Веденская

МАЧО, ИЛИ НЕ ХОДИТЕ,
ДЕВКИ, ЗАМУЖ!

—
роман

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии литературного агента
Н.Я. Заблоцкиса

Веденская, Татьяна.

В26   Мачо, или Не ходите, девки, замуж! : роман / Татьяна Веденская. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Позитивная проза Татьяны Веденской).

ISBN 978-5-699-82218-8

На многие семьи посмотришь и диву даешься: зачем супруги живут вместе — только крики, обиды, недоверие. В жизни Дианы и Владимира все было мирно, почти идеально: в ребенке души не чаяли, друг к другу относились с уважением, признавали за каждым право на личное пространство. Мечта, а не семейная пара — да? Только вот жене почему-то так не казалось. Чего Диане не хватало? Может быть, истерик, что так часто случались в семье ее родителей? Или страсти с битьем посуды и проверкой содержимого карманов, которая сопровождала быт ее подруг? Никто не мог понять, что происходит с женщиной, когда та пустилась во все тяжкие. Даже она сама...

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Саенко Т., 2015
ISBN 978-5-699-82218-8   © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Борьба за место под солнцем
часто начинается затемно...

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*в которой мы знакомимся
с идеальным мужчиной*

Он появился в моей жизни почти два года назад. Красивый. Большие зеленые глаза, черные волосы и невероятная улыбка, при виде которой хочется смеяться и петь. Иногда я просто лежу рядом с ним и смотрю, как он спит, как во сне переворачивается и сбрасывает с себя одеяло, отчего кажется совсем беззащитным. Если меня что-то беспокоит, я всегда могу подойти к нему, раскинув руки, и он обязательно обнимет меня и прижмет к себе, если, конечно, не будет в этот момент занят чем-то важным. У него много важных дел. Он вообще человек не слова, а дела.

Он молчалив. Говорить не любит, и мне приходится изхитряться, чтобы вызвать его на разговор. Отвечает он односложно и никогда не скажет ни слова, предварительно не подумав. Меня это поражает, сама я совершенно не такая, я могу говорить без умолку, хоть час, хоть два. И его это совсем не раздражает, он любит меня слушать. О погоде, о природе, о том, что надо сегодня надеть, будет ли дождь.

Вот уже почти два года, как я все свое время провожу только с ним. С утра до вечера, и обратно, с вечера до утра — всегда вместе, как одно целое. Вместе просыпаемся, обычно он будит меня, ласково, но настойчиво тормозит и дергает за нос или за уши. Он — жаворонок, из-за чего я имею определенные проблемы, потому что сама по всем признакам сова. Но ему трудно сопротивляться, он будит меня, мы завтракаем, болтаем о всякой ерунде. То есть, конечно, это я болтаю, а он слушает и улыбается. Потом мы идем гулять, вниз по нашей улице, взявшись за руки. Да, он спокойно ходит со мной за руку, не выдергивая ладонь, не возмущаясь, что это «бабские штучки».

Он любит все делать вместе. Когда я готовлю — он всегда предлагает мне помощь. Да, у него это получается не очень, его руки не справляются со всякой муторной кухонной работой, но ему нравится, он старается. Ему хочется быть полезным, хочется, чтобы я его хвалила. Я хвалю всегда, хотя, конечно же, без него было бы проще готовить и, уж точно, не пришлось бы потом столько убирать. Иногда я еле сдерживаюсь, чтобы не накричать, не потребовать, чтобы он не лез не в свои дела, не мешал мне... в основном мне удастся остановиться, но не всегда, к сожалению. Часто мне кажется, что он меня обязательно разлюбит, ну, за что меня любить такую — вредную, даже грубую. Такую обычную. Но он

счастлив, только когда мы вместе. Это удивительно, что можно так любить человека.

Мы вместе читаем книги, смотрим телевизор. Тут он имеет право голоса, мы всегда смотрим те передачи, которые любит он. Раньше я еще как-то пыталась возражать, но со временем смирилась. Он не выносит телесериалов, особенно не смешных. Целые художественные фильмы еще как-то, особенно если это боевики с кучей спецэффектов, а вот телесериалы — никак. Может даже накричать, если увидит, что я потихоньку от него на кухне все-таки смотрю эту ерунду.

Признаюсь честно, у меня никогда и ни с кем не было таких отношений. Мы практически погрузились друг в друга. Если ему больно, я тоже чувствую боль. Я просыпаюсь, если он плачет, с ним это случается. Наверное, снится что-то плохое. Хотя странно, как ему может сниться что-то плохое? Но он вообще плохо спит, сколько я его знаю. И совсем не может заснуть, если меня нет рядом. Я нужна ему как воздух, он любит меня безоглядно, он смотрит на меня как на богиню. Ему все равно, в халате я или в вечернем платье. В халате я нравлюсь ему даже больше. Он любит запах моих волос, он обожает обниматься, считает мою грудь идеальной и, конечно же, своей безраздельной собственностью. Если бы все мужчины были такими, жизнь была бы лучше, и все мы, женщины, были бы безоглядно счастливы. Но он такой

один — самый лучший мужчина на свете. Цельный, неспособный на подлость, наивный и нежный. Идеальный. Не то что я.

Я — зрелая, тридцатидвухлетняя женщина с темным прошлым, с гуттаперчевой совестью, с какими-то глупыми представлениями о жизни, эгоистичная¹. Мне нужно было больше времени для себя. Все вокруг кричали, что им не хватает «близости». Все мои подруги мечтали, чтобы их любили так же, как он любил меня. Многие говорили, что я просто не понимаю своего счастья и что два года — это совсем не срок, что можно еще годик уж точно потерпеть. И что потом я обязательно пожалею.

Возможно. Но я за два года так наелась этой тотальной близости, что иногда хотела выпрыгнуть в окно и сбежать. Наверное, я плохая. Очень нехорошая. Просто никуда не гожусь. Но я все решила, и это решение уже действовало отдельно от меня, оно завоевывало пространство, поражало мой мозг изнутри, как вирус. Я долго шла к этой мысли... нет, скорее долго бежала от этой мысли, но она нагнала меня и победила. Не могу сказать, чтобы я умела сопротивляться, особенно самой себе.

Как-то вечером, причем не просто вечером, а очень-очень поздним вечером, когда он уже спал, я выдернула

---

¹ Об этой героине можно прочесть и в романе «Не в парнях счастье» Т. Веденской.

свою ладонь из его руки, тихонько встала, вышла из комнаты, пересекла холл нашей большой, тихой трехкомнатной квартиры на улице Расплетина и, остановившись на кухне в непривычной тишине, вдруг поняла, что сделаю это. Да, это было предательством. Вдвойне предательством, так как он этого совершенно от меня не ждал. И ничем этого не заслужил. Но мне уже было недостаточно только этих поздних вечеров, когда он спал. Я хотела вернуть себе свободные дни, часы, посвященные какой-нибудь ерунде, типа болтовни с подружками или походов в парикмахерскую. Мне хотелось снова начать красить ногти. Я понимала, что ему будет все равно, даже если у меня будет воронье гнездо на голове, но мне вдруг стало не все равно. Мне нужно больше времени лично для себя. Было бы смешно, если бы не было настолько правдой.

Я посмотрела на себя в зеркало, у нас в холле имелось огромное старинное зеркало, в котором можно было увидеть больше, чем просто отражение. Я увидела, какие у меня огромные круги под глазами: это от недосыпа, от всей этой жизни вне графика, от замкнутости друг на друге, всегда, круглые сутки.

— Я хочу видеть и других людей! — произнесла я вслух, но женщина в зеркале только криво усмехнулась. Я вспомнила, как я когда-то ходила на работу, еще до того, как появился он. Вспомнила Татьяну, нашу начальницу, у которой муж ушел к любовнице, прихватив с со-

бой полквартиры. Мы с Танечкой тогда могли разговаривать часами, не покидая рабочих мест! Особенно когда мой собственный муж ушел от меня к моей лучшей подруге, с которой мы практически выросли вместе. Которая была мне как сестра. А кто сказал, что муж не может уйти от тебя к сестре? Мы с Танечкой очень сблизились в ту пору, у нас появился общий враг — мужчина изменяющий. Мы пили чай и ходили на перекуры. О, перекуры! Сейчас это стало недоступной роскошью для меня. Он ненавидел, когда я курила, так что я практически бросила курить. По крайней мере, не курила в течение дня, когда он мог бы увидеть, унюхать и скривить физиономию, посмотреть на меня с таким сожалением, что хоть беги. Оставались только вечера.

Я оторвала взгляд от лохматой, усталой, бледно-серой женщины в старинном зеркале и крадучись подошла к входной двери. Воровато оглянувшись и бесшумно проскользнула в тамбур. Там, в ящике для обуви, за гуталином и ворсистой щеткой лежала она — моя пачка сигарет «Русский стиль», как яблоко познания добра и зла, и ждала своего часа. Я на ощупь нашла ее и вытащила на свет божий. Первое грехопадение за целый день.

— О да! — прошептала я, с удовольствием затягиваясь и вдыхая терпкий аромат табачного дыма. — Я все-таки сделаю это. Завтра же! И я позвоню маме, она может мне помочь, у нее богатый опыт.

— Ты действительно сможешь это сделать? Вы же практически не расставались и на пару часов! Ты же так его вроде бы любишь, — напомнила мне моя мама, Зинаида Ивановна Сундукова.

— Люблю, — пригорюнилась я. Мой зеленоглазый принц, почему люди неидеальны? Почему не могут следовать даже своей собственной мечте, зачем им это «свободное время», нужное зачастую только для того, чтобы без зазрения совести курить в течение дня.

— Так как же тогда?

— Я думаю, так будет лучше, — промямлила я в ответ. Как и все люди, твердо решившие сделать что-то плохое, я старательно искала и находила причины, почему поступить по-другому нельзя. — Так будет лучше для нас обоих.

— Возможно, ты и права, — вздохнула мама. — Я могу тебя понять. Когда-то я не могла найти даже минуты, чтобы хоть как-то выдохнуть. Твой папа...

— Как он, кстати? — перебила я маму. Сколько себя помню, моя мама никогда не могла «хоть как-то выдохнуть». Эта фраза прежде не имела для меня никакого смысла, а теперь я вдруг поняла, что сама чувствую нечто подобное: не могу «вдохнуть» свободно. И выдохнуть тоже. Значит, вот что мама имела в виду.

— А что ему сделается? — фыркнула мама. — Пивную, кажется, еще не закрыли.

— О, это понятно, — усмехнулась я. — Кто ж ее позволит закрыть! Наша пивная — это же достояние народа. Культурная ценность, место общественной жизни всего нашего района.

— Смейся-смейся, а я слышала, между прочим, что ваш дом на Карбышева все-таки снесут.

— Где слышала? — поморщилась я. — Опять в поликлинике болтают? Этот дом снесут только в одном случае, если жильцы сами в него динамиту подложат. Кстати, хорошая мысль. Надо только, чтобы никто не пострадал.

— Диана, я серьезно, — обиделась мамуля. — Мне Аркашка говорил. Он тебе не звонил, кстати?

— Не-а, — покачала я головой. Аркашка мне звонил все реже, хотя в первое время, когда я только переехала на улицу Расплетина, он частенько позванивал, и мы с ним болтали. Аркашка — мой сосед снизу в доме, который построил Джек... Шучу. В том доме, где я родилась, выросла, научилась всему, что могла, то есть курить, выпивать, ждать у моря погоды и прочим полезным вещам. Я родилась и выросла в старой пятиэтажке, стоящей торцом к бульвару Генерала Карбышева, в первом подъезде, расположенном как раз напротив пункта приема стеклотары, где собиралась и собирается по сей день вся алкогольная общественность нашего района. Моя квартира под номером тринадцать располагалась

на пятом этаже, Аркашкина — прямо подо мной, а пивная прямо за углом, с другой стороны здания пункта приема стеклотары. Все эти обстоятельства никак не могли пройти бесследно для моей психики.

— Аркашка сказал, что ему в почтовый ящик положили какую-то бумажку. Ты вообще-то почту хоть проверяешь? Или все пустила на самотек? — строго спросила мама. Я, конечно, подтвердила, что почту из родного дома забираю так, что «будьте-нате». Раз в неделю, а то и чаще, что, конечно же, было полнейшим враньем. На Карбышева я не появлялась вообще.

— Мне ничего не присылали, но я на всякий случай еще раз проверю, — пообещала я маме.

— Не проворонь, а то переселят вас в какую-нибудь дыру, — пригрозила мама.

Я рассмеялась про себя. Честно говоря, большей дыры, чем дом моего детства, трудно себе даже представить. И еще одно обстоятельство делало отчий дом местом отвратительным: подруга. Та самая подруга детства, которая увела у меня мужа. Она жила в том же доме и в том же подъезде, только на первом этаже. С моим бывшим мужем. До сих пор. Так что, куда бы меня ни переселили, если в этой новой «дыре» не будет Катерины и Сергея Сосновских, я буду считать, что мне дали квартиру в раю.

— Я не думаю, что все так срочно. Столько лет ждали, и вот так вдруг. С чего бы?!

— Ну смотри, смотри. У тебя там жильцы живут?

— Живут, — кивнула я. Квартира сдавалась уже два года, с тех самых пор, как появился он, мой идеальный мужчина, а я окончательно переехала на улицу Расплетина. Квартира на Карбышева была в руинообразном состоянии, как и все в этом доме, уже больше десяти лет как ожидавшем своего сноса, так что много я за нее не просила, что очень устраивало противоположную сторону. Так, в любви и согласии, мы прожили все это время, даже не видясь. Деньги посылались на сберкнижку, и всем было хорошо. Мне хотелось только больше никогда туда не ходить.

— Не спялят они тебе квартиру?

— Если спялят, может, будет еще лучше, — хмыкнула я. — Хлама меньше.

— Какая-то ты взвинченная, — пожала плечами мама. — Значит, ты все решила насчет Мусяки? Ты уверена?

— Он не может провести всю жизнь, уткнувшись носом в мою грудь, — вздохнула я. — Он должен уметь как-то обходиться без меня.

— Ему только два года, можно же отдать его в садик и на следующий год, — вставила мама.

Я разозлилась. Услышать это из маминых уст, да еще после того, как она категорически отказалась сидеть со

своим нежно любимым внуком Мусякой без присутствия хотя бы одного из родителей — это было просто оскорблением. Впрочем, разрушительная сила Мусяки была такая, что я отчасти могла бы маму понять. Если бы у меня было хоть какое-то время, чтобы что-то там понимать.

— Мам, ты просто не представляешь, как я устала. Мусякин — он, конечно, совершенно замечательный. Но я сплю по пять часов уже два года. Он днем ни минуты мне не дает спокойно побыть с собой. Он будит меня в шесть утра.

— Ладно-ладно, — отступила мама. — Раз ты так решила, значит, делай. У вас отличный садик прямо чуть ли не во дворе.

— Лишь бы место было, — продолжала я. — Не так сейчас просто получить место в саду.

— А что твой Владимир говорит? Он что думает?

— А что Владимир? Он не возражает, хотя ему это не так уж важно. Еще бы, Мусяка же его не дергает так, как меня. Владимир работает все время, пока мы с Мусякиным на ухах тут ходим. Видела бы ты, во что Мусякин вчера кухню превратил. Нашел пакет с мукой и рассыпал. А потом еще масла сверху налил. И думал, я буду радоваться и веселиться. А я вышла из кухни всего на пять минут!